

Народное издание

Корней
ЧУКОВСКИЙ

В КОНЦЕ девяностых годов Чехов стал готовить для издателя А. Ф. Маркса первое собрание своих сочинений. В это издание он ввел множество старых вещей, написанных еще в те времена, когда он был безвестным юнцом.

Впрочем, старыми их можно назвать лишь условно: перед тем как печатать их вновь в собрании своих сочинений, автор внес в них такие большие поправки, что по стилю, по языку они, в сущности, являются новыми. В некоторых Чехов изменил даже фабулу.

Мировая литература не знает другого писателя, которому удавалось бы так чудотворно перерабатывать свои прежние тексты, поднимать их при помощи позднейших поправок на такую высокую ступень литературного качества.

Прочтите, например, первопечатные тексты рассказов «Приданое», «Радость», «Сонная одурь», «Анюта», «Злой мальчик», «Хорошие люди», «Толстый и тонкий», и вы убедитесь воочию, что исправление старых вещей передко бывало для Чехова таким же, в сущности, творческим актом, как и создание новых.

Перерабатывая, например, рассказ «Пари», Чехов придал ему такую идею, которая прямо противоположна идее первоначального текста.

А рассказ «Володя» после авторской правки приобрел новый сюжет и стал чуть не вдвое длиннее.

Многие из старых вещей, введенных Чеховым в прижизненное издание его сочинений, переработаны так, что первопечатные тексты можно считать черновыми набросками тех, какие мы читаем сейчас.

Для начинающих авторов нельзя и представить себе лучшей школы писательской техники, чем вдумчивое изучение тех громадных поправок, которые Чехов вносил чуть не в каждый свой старый рассказ перед тем, как поместить его в собрании сочинений.

НО ДОСТОЙНЫМИ переработки он считал далеко не все свои старые вещи. Очень многие, особенно самые ранние, были часто забракованы им. В письме к Авиловой он делит свои ранние тексты на четыре разряда: 1) «мало-малыски порядочные и сносные», 2) «плохие», 3) «очень плохие» и 4) «отвратительные».

Нужно ли говорить, что те, которые он называл «порядочными», были на самом деле прекрасны и после его окончательной работы над ними давно уже завоевали себе и в нашей, и в зарубежной литературе бессмертие.

На остальных рассказах он — на каждом — написал своей рукой: «Исключить». Или: «Не печатать». Или: «В полное собрание не войдет».

Иные из этих рассказов он пробовал было редактировать, но и в новой редакции они не удовлетворяли его; так что и на них в конце концов появился тот же авторский запрет.

Эти надписи сохранились на каждой из забракованных им вещей до сих пор. Настоячиво повторял он в своих письмах к издателю:

«Что касается рассказов моих, о которых Вы пишете, то часть их, а именно: 1) «Раз в год», 2) «Отставной раб», 3) «Суд», 4) «Трактир» и 5) «Казак», мною исключены совершенно, в полное собрание они не войдут...»

«Рассказ «Встреча», как я уже писал Вам раньше, не войдет в собрание моих сочинений; он мне не нравится» и т. д.

В стилистическом и языковом отношении эти старые вещи, не говоря уже об идейном их смысле, очень далеки от тех требований, которые предъявлял к своим произведениям Чехов в конце девяностых годов.

Ведь Чехов, как известно, не сразу стал тем замечательным мастером слова, каким читатели узнали его после появления сборника «В сумерках». Подобно Некрасову, он долгое время терялся в безличной толпе литератур-

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А. П. ЧЕХОВА

ных поденщиков. Из-за куска хлеба ему приходилось поставлять фельетоны, анекдоты и шаржи в низкопробные трактирные листки.

И так как вкус у него в ранние годы был значительно ниже его дарования, то рассказы и очерки, которые помещал он на первых порах во всевозможных «Будильниках», «Зрителях», «Развлечениях», «Стрекозах» и проч., не идут ни в какое сравнение с позднейшими новеллами, которые дали Чехову всемирную славу.

Все эти «О женщинах», «О женщины, женщины!», «Мои жены», «Моя «она» и «Моя Нана» интересны теперь главным образом историкам литературы, ученым-исследователям, которые желают дознаться, как «Антоша Чехонте», «Человек без селезенки», «Рувер» мог путем самовоспитания и могучего духовного роста выработать пушкински строгий, благородный, взыскательный вкус и придать своим произведениям ту классическую чеканку, лаконичность и стройность, которые и называются чеховским стилем.

Отбрав лучшие из ранних рассказов, он путем «каторжной» работы над ними превратил их в шедевры, так как вытравил из них, словно щелоком, все безвкусное, шаблонное, вульгарное, всякую дешевку и фальшь. Эти-то обновленные рассказы восьмидесяти годов, которые исправлены и переработаны Чеховым в 1898—1899 годах, и вошли в издание А. Ф. Маркса, единственное авторизованное издание сочинений великого мастера.

В ту же пору у Чехова был разговор с редактором «Нивы», который впоследствии в своих мемуарных заметках изложил этот разговор таким образом:

«Нельзя, — говорил Чехов, — от него (от Чехова. — К. Ч.) требовать, чтобы он включал то, что уже не может признать ни художественным, ни даже просто грамотным, «Чехонте» мог многое написать, чего «Чехов» никогда не напишет... Пусть библиографы и критики соберут вычеркнутое, чтобы уяснить себе ход его творчества... но публике это никогда не должно быть предложено».

Словом, Чехов сознавал очень ясно, что вычеркнутые им вещи рано или поздно станут достоянием тех специалистов-исследователей, которые захотят уяснить себе «ход его творчества». Однако он и здесь, как мы видим, опять подтвердил, что запрещает вводить эти зачеркнутые вещи в собрание сочинений, которое адресовано «публике».

ВСЕ это было давно, и я не напоминал бы об этом, если бы составители последнего двенадцатитомного «Собрания сочинений А. П. Чехова» (1954—1957), выпущенного в Гослитиздате, не нарушили его авторской воли.

В первом томе они, словно бравируя своей безответственностью, поместили только такие рассказы, на которых Чехов собственной рукой написал: «Не печатать», «Исключить» и т. д.

Их самоуверенство дошло до того, что во втором томе вперемежку с рассказами, которые отобраны и отшлифованы Чеховым в пору высшего расцвета его дарования, они, сбывая читателя с толку, тиснули его «бракованные» вещи.

У этой чехарды нет даже того оправдания, что она восстанавливает нарушенный Чеховым хронологический порядок его ранних вещей. О хронологии здесь не может быть и речи, так как некоторые из публикуемых в этом томе вещей (например, «Злой мальчик», «Толстый и тонкий») в такой же мере относятся к 1883 году, как и к 1898-му, когда Чехов не только отредактировал их, но многое вписал в их тексты заново. И, например, ставить «Месть женщины» после рассказа «В море» — это значит не восстанавливать, а извращать хронологию, ибо над рассказом «В море» Чехов трудился и в 1901 и в 1903 годах, а «Месть женщины» так и осталась произведением 1884 года. Хронология здесь, как видите, «липовая».

То же незаконно и в остальных томах. В каждую бочку меду вливается большущими ложками деготь. Раскройте пятый том: там непосредственно перед рассказом «Шампанское», который Чехов шлифовал и отделявал трижды, напечатан выброшенный им фельетон «Новогодняя попытка», а за проникновенным рассказом «Враги» следует забракованный автором анекдот «Добрый немец» — о том, как некий подвыпивший мастер увидел у себя в комнате спящую женщину и по ошибке принял ее за жену.

Читатель был бы избавлен от этой несуразной окрошки, если бы составители вспомнили, что Чехов не только отбрав и проредактировал свои ранние вещи, но и установил для них свой глубоко продуманный, определенный порядок. Из его писем мы знаем, как много значения придавал он тому, на каком месте в данной книге будет напечатан тот или иной из его ранних рассказов. Композиция первых томов была творческим актом писателя, и разрушение

этой авторской композиции ничем не оправдано. Все ранние рассказы расположены Чеховым в его первых томах так виртуозно, они так органически слиты в единое целое, в законченный цикл, что какие бы то ни было посторонние примеси к этому крепко сплоченному циклу наносят ему непоправимый ущерб.

Это новое издание Чехова было предназначено для широких читательских масс. Никаких научно-исследовательских целей оно перед собою не ставило. У него почетная задача: дать полностью, без малейших изъятий, все те произведения Чехова, которыми великий писатель завоевал себе признание всего человечества.

Никто, конечно, не мешал составителям в особом, дополнительном томе — восьмом или, скажем, девятом — представить читателю наиболее типичные из ранних вещей, которые были отвергнуты Чеховым. Сюда вошли бы и «Неужная победа», и «Жены артистов», и «Месть женщины», и «Бенефис соловья» и т. д. Но об этом дополнительно томе читателям нужно громко и четко сказать, что он — дополнительный и никоим образом не входит в орбиту авторизованных, канонических текстов великого мастера.

СОСТАВИТЕЛИ этих книг невозможно винить. Работа их вполне добросовестна.

Вся беда в том, что у нас до сих пор остаются нечеткими основные принципы общедоступного, массового издания классиков.

Одно дело — академическое издание, адресованное Академией наук главным образом ученым — словесникам, литературоведам, историкам, критикам и предназначенное не только для чтения, но для детального изучения всех мельчайших стадий творческой жизни писателя (таково, например, ныне осуществляемое Академией наук издание сочинений А. И. Герцена).

Другое дело — массовое издание: оно должно быть построено совершенно иначе, так как не все же читатели — специалисты-словесники. Главная читательская масса не имеет ни нужды, ни досуга изучать все варианты произведений того или иного автора, всю, так сказать, закулисную сторону его творчества, все первоначальные этапы его становления.

Есть издания промежуточного типа, которые я назвал бы полукраудемическими. Одним из лучших образцов такого издания является двадцатитомное «Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова», блистательно осуществленное в том же Гослитиздате Н. И. Гитович и покойным И. С. Ежовым (1944—1951).

Но сейчас мы говорим, повторяю, не об этом промежуточном типе, — речь идет о распространенных, общедоступных, массовых, подлинно народных изданиях.

Такого издания А. П. Чехова у нас еще нет. Последнее собрание его сочинений построено на ложной основе. Необходимо новое собрание его сочинений, более соответствующее и его авторской воле, и воле советских читателей.

Это будущее издание должно в основном повторить то единственное собрание сочинений, которое было авторизовано Чеховым. Ранние рассказы должны быть даны в том порядке, который установил для них Чехов, так как это целостный комплекс, все части которого спаяны автором раз навсегда и не подлежат разобщению.

Остальные же произведения Чехова были им самим расположены в строго хронологическом порядке. Так что и в этом отношении авторизованное издание является для нас образцом.

Конечно, формальный подход здесь немаловажен. Такая, например, повесть, как «Огни», которую Чехов исключил из своих книг по мотивам, давно уже утратившим свою актуальность, должна быть непременно восстановлена в корпусе основного издания. Кроме того, последние томы должны включать в себя письма Чехова, очень тактично и умело отобранные М. Е. Гордон. Однако я не могу согласиться с редактором, будто Кайена — «район... во Франции, отличающийся убийственным климатом», ибо, во-первых, этот «район» и сейчас отличается «убийственным климатом», а во-вторых, он совсем не во Франции. Уверен также, что Чехов не участвовал в «Зрителе» за 27 лет до своего рождения и что издатели «рекламируют» свои журналы, но никак не «декламируют» их.

Талантливая вводная статья В. Ермилова вполне соответствует типу массового издания. То же можно сказать и об иных комментариях, — например, к чеховским пьесам. Но порочный принцип, положенный в основу этого «Собрания сочинений» (равно как и некоторых других того же типа), должен быть пересмотрен и раз навсегда отменен, ибо, игнорируя волю автора, он дает широкий простор произволу редактора. Произвол этот, сколько бы он ни прикрывался иллюзорной научностью, неизменно ведет к искажению творческой индивидуальности автора.

Новое издание Чехова нужно строить на других основаниях, более соответствующих интересам читательских масс.